

Филипп Сов
Из Франции –
по Якутии

3800 км на каноэ
от Байкала
до Арктики

Филипп Сов

**Из Франции – по Якутии. 3800 км
на каноэ от Байкала до Арктики**

«Прометей»

2022

УДК 79.05
ББК 99.1

Сов Ф.

Из Франции – по Якутии. 3800 км на каноэ от Байкала до Арктики
/ Ф. Сов — «Прометей», 2022

ISBN 978-5-00172-212-0

Книга известного французского журналиста и путешественника Филиппа Сов, который на одиночном каноэ проплыл по Лене 3800 км от Байкала до Северного Ледовитого океана, потрясла французских читателей любознательностью, мужеством и непреклонностью автора. Для российских читателей это повод ближе присмотреться к своей далеко ещё не познанной стране. И потому взгляд объективного и непредубеждённого наблюдателя, его восхищение и увлечённость огромностью и красотой Сибири, его путевые зарисовки и размышления можно рекомендовать всем возрастам и профессиям. Выдержав три издания во Франции, книга Филиппа Сов впервые выходит на русском языке. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 79.05

ББК 99.1

ISBN 978-5-00172-212-0

© Сов Ф., 2022

© Прометей, 2022

Содержание

Слово от переводчицы	6
Первая часть	8
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Филипп Сов

Из Франции – по Якутии. 3800 км на каноэ от Байкала до Арктики

*Те, кто входит в одни воды, принимают потоки других, и уже
обновлённые воды и души выходят из освежающей среды.*

Гераклит

На свете есть только два грандиозных шоу – водичка и облака.

Иосиф Бродский

Philippe SAUVE

SIBERIA

3800 km en canoë du lac Baïkal à l'océan Arctique

Traduction du français Lioudmila Dole (L.B. VoskresenskaYa)

Moscou, 2022

Promethee

Перевод с французского

Людмилы Доль (Л.Б. Воскресенской)

© Сов Филипп, 2022

© Доль Л. (Воскресенская Л.Б.), 2022

© Издательство «Прометей», 2022

Слово от переводчицы

Дорогие российские читатели!

Перед Вами книга, которую написал известный французский путешественник и журналист Филипп Сов.

С самой ранней юности Филипп стремился увидеть, узнать, понять нашу землю, планету Земля. Поэтому уже в 18 лет он отправляется в пешее кругосветное путешествие, которое ещё больше разжигает его страсть к открытиям. Пересев затем на каноэ, Филипп проходит всю Амазонку, а в голове уже давно зреет мечта исследовать Сибирь, крайний север. И вот готов новый план – пройти на одиночном каноэ великую Лену!

Задумка такая: понять, как якутам – небольшому, но мужественному народу – удалось, осев в этих необжитых местах, закрепиться и освоить суровую и чрезвычайно богатую землю; как в далёкие исторические времена без современных технических средств якуты не только расселились тут, но полюбили и сделали своей Родиной эти бескрайние и на первый взгляд неприветливые и небогатые пространства.

Пересекая Сибирь на утлом брезентовом судёнышке, будучи рудиментарно снаряжённым, т. е. без мобильного телефона, без компаса и даже без обычных часов, в полном одиночестве Филипп ведёт путевой дневник, предаваясь течению собственных чувств и мыслей, отмечая изо дня в день свои наблюдения и размышления.

Он открывает завораживающую глубину сибирской тайги; необъятную многокилометровую ширину Лены; сравнивает размеры якутской Сибири со своей Родиной и приходит к выводу, что это не просто район, край, Республика, но целая страна, имя которой Сибирия; именно это название он даёт впоследствии своей книге на французском языке. Так, по мнению автора, его соотечественники лучше поймут масштабность увиденного им!

Филипп описывает и редкие, обычно случайные, встречи с местным населением. Отмечает гостеприимность, скромность, даже застенчивость, приветливость и доброжелательность людей на своём пути. Признаётся, что путешествие прошло не без конфликтов, но где их не бывает!...

Добавлю здесь, что мне как переводчице было вдвойне интересно работать с этой книгой, ибо много лет назад, будучи молодым преподавателем МГУ, я побывала здесь с лекциями и своими глазами видела то, что так подробно позднее описал Филипп...

А ещё у меня было чувство, что, берясь за перо, Филипп заручился поддержкой Л.Н. Толстого, который признался однажды, что «...со временем вообще перестанут выдумывать художественные произведения и... будут только рассказывать то значительное или интересное, что... случилось наблюдать в жизни...»

Вот эти наблюдения и переживания в виде путевого дневника (а это именно дневник, а не приключенческий роман) объективно, трезво и искренне описывают все перипетии путешествия автора по Лене; они показывают, как, преодолевая постоянное сопротивление северной природы, ожидаемые и неожиданные трудности, одиночество, психологические сомнения, доводящие подчас до отчаяния, Филипп фактически совершил не только журналистский, но и человеческий подвиг.

Этот подвиг укрепил его тело и закалил характер, волю, дух! Он также позволил Филиппу заглянуть внутрь себя, проверить возможности собственных сил, расширить их границы и преодолеть возникающий иногда страх.

Завершив это путешествие, Филипп нашёл и ответ на поставленный в начале книги вопрос. На этот вопрос отвечает описание его нелёгкого и опасного плавания...

Для нас же, читателей, его поступок должен стать настойчивым призывом к познанию, внимательному и глубокому, своего Отечества. Прочитайте эту книгу сами, посоветуйте

школьникам, особенно сибирским. Пусть эти путевые заметки (выдержавшие во Франции три издания – в 2006, 2014 и 2021) станут пособием по краеведению всем якутским учащимся, которые увидят свой родной край глазами любознательного иностранца и ещё больше полюбят и оценят свою землю.

А от себя предлагаю предварить русский перевод ещё одним эпитафией – словами нашего известного поэта И.А. Бродского о том, что «на свете есть только два грандиозных шоу – водичка и облака.»

И достоверное и эмоциональное подтверждение тому Вы также найдёте на страницах предлагаемой книги!

Людмила Доль (Л.Б. Воскресенская)

Первая часть

Путешествие в страну Никуда

1

В субботу 23 апреля 2005-го года я нахожу своих близких на тулонском вокзале. Это скопление родных лиц, любящих, озабоченных тем, что видят меня в очередной раз уезжающим на край света, в Сибирь. Есть и такие, которые вложились в подготовку моего предприятия – некоторые средства массовой информации (конечно, местные), мои друзья, мои привязанности. Все сопровождают меня на платформу до ступеней вагона. Я готов уже подняться, но дверь захлопывается перед моим носом. Прощания были слишком долгими, и, кажется, я упускаю мой поезд. Настаиваем, нажимаем на все кнопки, стараемся силой открыть автоматическую дверь. Наконец, я внутри! Опаздывающая незнакомка протягивает мне свой чемодан. Я хватаю его и помогаю ей подняться. Незнакомка, слыша напутствия, летящие мне вслед, бросает: «Есть всё-таки люди, которых любят!» Эта фраза отдаётся в моём мозгу, пока поезд медленно набирает скорость. Стекло двери изолирует меня от провожающих. Последний взгляд фотографирует каждое дружеское лицо. Я знаю, что этот образ останется навсегда в моём сердце. Я еду и для того, чтобы глубже оценить подобные чувства.

По прибытии в Париж я провожу первую ночь моего путешествия в страшном кошмаре. Этот кошмар угрожает мне тоской в течение долгих дней. Мои эмоции, перевозбуждённые отъездом, не успокаиваются даже во сне. Мне снится обилие символов, болезненных образов. Некоторые из них преследуют меня и днём, когда я прогуливаюсь по людным тротуарам улицы Мажента, близкой к Северному вокзалу. Здесь я сажусь на метро, чтобы добраться до улицы Глясьер, где я получу мой паспорт с русской визой. Нахмуренные лица парижан в метро, которые погружены в свои мысли, совпадают с моими ночными видениями и погружают меня в одиночество.

Путешествие началось. Я уже поглощён этим потоком. Постепенно теряю привычку говорить и открываю свои чувства для наблюдений. Брожу по улицам, согреваю давно заснувшие мышцы. Перемещаясь без машины, критически смотрю на автомобилистов, которые неистово сигналият в пробках.

В кафе «Конечная» у Северного вокзала я встречаю Нину. Она русская, кинорежиссёр, живёт в Париже. Её фильм, созданный с Жан-Пьером, описывает холодную жизнь сибиряков. Фильм «Судьба севера» очень эмоционально и поэтически делает честь жителям арктических регионов. Встреча с Ниной во время первой остановки это настоящий трамплин. С ней я уже в России, и рассказ о трудностях её страны пропитывает меня насквозь.

За месяц до встречи я передал ей текст, предназначенный для моих контактов с местным населением, и она его перевела: «Добрый день. Меня зовут Филипп Сов. Я француз, живу в городе Тулон на юге Франции. Я писатель и пишу книги о своих путешествиях. В 1992 году я совершил пешком путешествие вокруг света. Сегодня я в России, чтобы попытаться спуститься по Лене на каноэ. Я начну своё путешествие из деревни Кашуг и закончу его в Тикси, около Северного Ледовитого океана. Моя цель – показать французской публике с помощью книг, фотографий и фильмов, которые я сделаю, красоту Сибири и условия, в которых человек может жить благодаря природным ресурсам. Спасибо за помощь...»

Опосредованно я уже получаю первую поддержку от Нины. За моим последним французским кофе мы болтаем о предстоящей поездке в Сибирь. Я ещё не знаю, какой путь я выберу в Европе, чтобы добраться до русской границы. Путь на восток на поезде закрыт такими стра-

нами, как Украина, настаивающими на транзитной визе. Но я не хочу терять дни в ожидании различных разрешений. Единственная европейская страна, граничащая с Россией, это Финляндия. Нина объясняет мне, что в Финляндию можно добраться на поезде через Германию, а оттуда в Россию на корабле по Балтике. Я выбираю этот путь. И обнимаю Нину. Она прощается, слегка дотрагиваясь до моего плеча и советуя остерегаться дружеских застолий в России.

2

Я принадлежу ко второму послевоенному поколению. Моя бабушка во время традиционного прованского застолья часто воскрешала в памяти страшные крики во время бомбардировок 1945-го года. Она до сих пор испытывает этот ужас. И я не могу не думать о ней, как только слышу первые немецкие слова в поезде на Гамбург. Я посещаю Германию первый раз и резкое «Nein» контролёра странно переносит меня в прошлое, в оккупированную Францию, когда немецкий акцент заполнил парижские улицы. Моё подсознание связано с войной обусловленностью истории. Но одновременно оно и под влиянием современных идей. Одна из них выражена великолепным Поланским, который посвятил свой фильм «Пианист» состраданию врачам. Немцы тоже пережили ужасы под фашистским игмом.

Контролёр настаивает, чтобы мы уплотнились в купе по 6 человек, несмотря на свободные спальные места, «Nein! Nein!» – повторяет он.

Я скольжу, не споря, под простыню и всю ночь затыкаю уши, чтобы не слышать присвистывания храпящего шведа. А утром в то время, как мои попутчики расползаются по набережным Гамбурга, свежесполитым мелким дождём, я хватаю рюкзак и направляюсь к кафе. На прилавке веером разложены сосиски. Спрашиваю официанта, забыв, что я в Европе: «Вы берёте евро?» Он отвечает раздражённо: «Только евро!» Германия – это первая настоящая заграница моего путешествия.

Бессонная ночь и почти пятнадцатикилограммовый груз за спиной умножают усталость. Она мне служит плохую службу. По разным поводам это провоцирует рассеянность, иногда оплошность, «как в случае с евро», в другой раз потерю доверия. В этом последнем случае физиономии некоторых любопытных личностей становятся мне несимпатичны. Это чувство появляется из-за внезапной потери уверенности в себе, которое делает меня преувеличенно подозрительным.

Чтобы преодолеть это чувство, я урезониваю себя. Избегаю взгляда человека, всё время наблюдающего за мной в поезде. Не смотрю на другого, замкнутого на вид, сгорбленного, со вздёрнутым носом, который прохаживается, прихрамывая и приглядываясь ко мне острым взглядом, словно пронзая вилами. Если усталый путешественник позволяет захватить себя галопирующей антипатии, он рискует конфликтами. Чтобы избежать хромающих вил, я отворачиваюсь со скептическим видом к забитым грузами понтонам. Я прибыл на станцию «Конечная Скандинавская» на самую северную точку Германии.

Туман окутывает бетонный пейзаж. Огромные корабли забиты контейнерами с товарами. Немногие рискнут пробираться под проливным дождём. Свежий ветер скандинавских стран, дующий с просторов Балтийского моря, заменил тёплые ветры юга Франции.

Поспешно покидаю вокзал в Гамбурге, сажусь на поезд, который доставляет меня в Травемюнд. Это город, где возвышаются таможенные башни, контролирующие торговые корабли.

Хозяйка кафе в центре города, молодая армянка, назвала мне автобус до порта «Конечная Скандинавская». Там я прождал три бесконечных часа, подрёмывая стоя, и, наконец, получил место на одном из кораблей, готовых к отплытию в Финляндию в тот же день. Таким образом я избегаю проезда по Украине и забот с транзитной визой. По прибытии в Финляндию в город Турку, где я высадился, я уже в двух часах на поезде от русской границы и Санкт-Петербурга.

Оставив дома автомобиль, я распрощался также с мобильным телефоном и часами. И теперь должен высматривать время на платформах или пассажиров с часами. Всё-таки я не должен опоздать на посадку. Теперь, порвав ориентиры общественного времени, я должен оживить функционирование моего внутреннего времени, которое следует звездному времени, сменяя дни и ночи. Мне надо также лучше чувствовать свой желудок, который никогда не забывает напомнить о голоде; мне надо восстановить прежнюю гармонию, когда мои внутренние часы были в полном согласии с природой. Что станет с этой гармонией после долгих месяцев одиночества на широких сибирских просторах?

И другие процессы происходят в эти первые дни моего похождения. Для контактов использую язык, который называю «космополит». Недавнее путешествие по Амазонке оставило следы в моём словаре. Когда я спрашиваю дорогу у одного сочувствующего немца, который использует английский, чтобы мне ответить, я формулирую фразы, смешивая четыре языка:

- Bonjour! Do you speak English?
- Yes, – отвечает мне иностранец.
- Where is the train pour Travemund?
- Gate 7a, – отвечает немец.
- It's aqui?
- Yes.
- Danke, au revoir...

Английский, испанский, немецкий и французский перемешиваются, создавая замечательный язык, язык «космополит». Вскоре пятый язык добавится в эту мелодию акцентов – русский. Я уже слышу его в коридорах *Roil Ship*, плывущего к Финляндии. Трое русских направляются к себе на родину в сопровождении своих автомашин, закреплённых на палубе. Они говорят мало в сравнении с десятком немцев-туристов.

Roil Ship – корабль, обычно перевозящий машины и механизмы. Нижние палубы заполнены контейнерами. И только светлоголубая окраска корпуса отличает *Roil Ship* от военных кораблей.

Тридцать шесть часов навигации отделяют меня от порта Турку. Мы плывём вдоль восточного берега Швеции, угадываемой на горизонте, который ведёт затем к Стокгольму. Я один на палубе любуюсь округлостью планеты. Туман и дождь, что были накануне, рассеялись. Теперь лучи солнца отражаются бликами на воде. Палубы корабля обсохли под бризом Балтийского моря. Простор свободных вод и отсутствие неприятных лиц в бешеных вокзальных толпах успокаивают меня. Наслаждаюсь моментом, ибо знаю, что другие вокзалы ждут на пути. Десять тысяч километров земли отделяют меня от моей цели – реки Лена.

3

Мои чувства, впитывающие эмоциональный клубок новой жизни, продолжают производить удивительные сны. В то время, как корабль выходит в открытое море, горизонт внезапно темнеет, как если бы земля была плоская и запнулась в пустоте. Я хватаюсь за спасательный круг и отделяюсь от тонущего корабля. Меня выбрасывает на мраморный берег к деревянной двери. Звучат три удара. Я добираюсь до двери и поворачиваю ручку. Теперь я слышу томный голос – «Пора! Пора!» Затем замечаю симпатичное лицо корабельной буфетчицы. «Мы прибыли в Финляндию,» – говорит она по-английски. Разлепляю веки, чтобы убедиться, что это больше не сон; благодарю её и бросаюсь к иллюминатору. Там я вижу переливающиеся разными цветами огни – мерцание финского берега, наконец, достигнутого.

Два человека бегут по понтонному мосту, чтобы схватить ускользающую якорную цепь. Их белое дыхание указывает на утренний холод.

Я угадываю на заднем плане набережной силуэт города Турку, цепь выступающих крыш. Нетерпеливый, сбегаю по отвесным корабельным ступеням и оказываюсь на нижней палубе с контейнерами. Пробираюсь между ними, чтобы поскорее оказаться на твёрдой земле. Тридцать шесть часов в море завершаются в утренних сумерках усиленной ходьбой к центру города. Мой энтузиазм слабеет при виде длинной асфальтовой ленты шоссе. Водружаю на плечи тяжёлый рюкзак, как вдруг кто-то окликает меня (надо сказать, что я предчувствовал это). Русский, пассажир моего корабля, сидя за рулём Мерседеса, гудком и руками приглашает в машину. Подчиняюсь, располагая рюкзак у ног и приветствуя моего благодетеля. Мы пересекаем окружную дорогу, не обменявшись ни словом. Шофёр высаживает меня в центре пустынной площади, затем пальцем указывает на дорожный щит. В это время из тёмной улицы на площадь выезжает автобус. Я делаю несколько шагов, чтобы определить, какой город указан на ветровом стекле. Хельсинки. Моё следующее направление. Пятнадцатью минутами позже автобус живо катит по бесснежному пейзажу. Ни малейших следов зимы сейчас в конце апреля не видно на обочинах дороги, хотя я достаточно близок к северному полярному кругу, на большей широте, чем исток Лены. Подо льдом ли она ещё? Я прилип к окну, задавая себе всё тот же вопрос. Мне грезится эта великая река, которую скоро открою для себя, и я, уже выезжая из Тулона, очарован своим путешествием. На каждой пересадке предусмотрен транспорт, которым поеду дальше. Следовательно, в Сибирь доберусь цепью автобусов, поездов и кораблей. Отличная возможность пропитаться в дороге лицами разных народов и множеством акцентов. Это короткий, но интенсивный и освежающий обзор культур.

На привокзальной площади Хельсинки, где прогуливается множество народа, сталкиваюсь с ребятами, причёсанными, как ирокезы, с чёрными глазами, обведёнными синевой, в подбитой гвоздиками обуви. Другие, более разряженные, выставляют напоказ ноги, одетые в фиолетовые чулки. Это панорама, богатая красками. Я проникаю в пёструю толпу, упираясь взглядом в землю, чтобы не опьянеть от изнуряющих деталей.

Остаётся шесть часов до поезда в Москву, и я должен взять в банке деньги. У меня нет проблем с общением, большинство финнов говорит по-английски. Но возникает иная проблема: ни один банк не принимает мою банковскую карту. Мне приходится принять деликатное решение отправиться в Россию со ста евро в кармане. Молю небо, чтобы Москва мне выдала несколько банкнот.

Озабоченный, сижу на грязной хельсинкской земле. Девочка в полосатом костюмчике, поднявшись на ходули, протягивает мне ниточку воздушного шарика. Ей удалось вырвать из моего нахмуренного лица лёгкую улыбку. Под панно, объявляющем об отправке поездов, выступают детишки-акробаты, и одна из пластических акробаток срывает аплодисменты толпы. Перехожу от одного лица к другому, проникаюсь праздничной атмосферой и постепенно восстанавливаю настроение. Физическая усталость ослабляет дух, но сюрпризы путешествия тут же его подбадривают. Наконец, я выхожу из праздника. Станный поезд появляется под сводами вокзала. Он отвезёт меня в Москву.

Глухое ворчание его мотора, запылённые вагоны и его душа пришли издалека. Ему не хватает лишь клубов дыма, чтобы стать романтичным и создать впечатление, что он из прошлого. Он принадлежит не 21-му веку, а 19-му. Поезд пришёл не из какой-то страны, но с другой планеты. С планеты, где жизнь была бы волшебной сказкой. У него вид волшебного привидения; контролер, человек, несколько округлый в своём зелёном костюме, изучает мой билет и указывает рукой на ступени. «Москва,» – говорит он, почти не шевеля губами. Я пристально смотрю на него одно мгновение. Несмотря на холодный взгляд, он симпатичен. Спонтанно я улыбаюсь ему и с бьющимся сердцем преодолеваю четыре вагонные ступеньки.

4

По коридору вагона бежит ковёр, обрамлённый переплетёнными символами «А» и «Т». Это эмблема поезда «Алексей Толстой». Она присутствует и на стенах, и на покрывалах спальных полок, покрытых красной чёртовой кожей, и на скатерти, где стоят четыре бутылки пива «Кролик Кюльта», которые мы опустошили с моим русским попутчиком. Четырнадцать часов на поезде разделяют Хельсинки и Москву. Русская музыка разносится из репродукторов, наступает ночь. Мужчины в форме, некоторые из них блондины с чубчиками, проверяют паспорта. Затем я ужинаю в вагоне-ресторане; за 12 евро я получаю стакан дешёвого вина, тарелку со свежими овощами и кусок мяса в целлофановой упаковке. Вагон-ресторан напоминает мне театральный зал, где взгляды выделяют красивых молодых женщин. Я симпатизирую Александру, моему попутчику. Узкое купе сближает нас ещё больше. Особенно в те моменты, когда мы должны раздеться, чтобы нырнуть под наши простыни. Поезд пробирается в ночи через хвойные леса. Последний контроль, и мне разрешено въехать в Россию. Состав замирает на четверть часа. Александр выводит меня из вагона и ведёт по путям. Мы приближаемся к вокзалу, проходим широкие деревянные двери и входим в помещение, напоминающее дворец. Около мраморной колонны странное сооружение на двух козлах с самодельной крышей представляет собой газетный киоск, где предлагается журнал «Жео» с Перу на обложке. Я оглядываю стены сине-зелёного холла, через который проходят трое русских, одетых в сверкающую кожу, и покидаю «дворец» вслед за моим гидом. Александр запасается сигаретами, и мы возвращаемся в наше купе. «Добро пожаловать в Россию!» – говорю себе с легким покалыванием в сердце. Внезапно я понимаю после только что увиденной серой и бедной улицы, что моё желание пересечь Сибирь на каноэ будет не очень простым предприятием.

Но я беру себя в руки, понимая, что надо ближе познакомиться со страной. Даже если это усилие мне кажется нечеловеческим. Потому что всё, что меня окружает, непредсказуемо. Неужели это и есть очарованный мир, эта чёрная Россия, изрытая дорогами, с непроницаемыми лицами людей и с фасадами облупленных домов. Или это ад перед раем?

Стараюсь заснуть, несмотря на тревоги. Но резкие вздрагивания поезда не укачивают меня. Напротив, они возбуждают. Слежу за руками Александра, чтобы убедиться, что у него нет никаких поползновений. Наконец, мне удаётся расслабиться, и я наблюдаю за лунным лучом, проникающим через стекло: вспоминаю свой переезд в Бразилию через французскую Гвиану. Моторная пирога проводила меня до моста в деревню Ояпок. Лестница из бетонных блоков служила платформой для высадки. Разношерстные силуэты на этих блоках выслеживали прибытие иностранцев. Я никогда не был в Амазонии и, возможно, я проник туда наиболее прямым путем. Тем, что швыряет западного человека, привыкшего к современности, наиболее грубым способом в мир, где люди продолжают бороться за выживание. Это было моё первое впечатление, которое я, взобравшись по бетонным блокам, получил, оказавшись тут же на улице оживленной бразильской деревни. Это было, как если бы я вернулся в 1900-е годы, в эпоху, когда существовали ещё только основы современных городов. Это воспоминание меня успокаивает, потому что после всего лишь недели пребывания в Ояпок, я уже освоился настолько, что мы разгуливали абсолютно свободно. «Тёмные закоулки России не хуже бедных кварталов Альтамыры в Бразилии!» Я сто раз повторяю себе эту фразу и, наконец, засыпаю.

На заре нового дня, четырнадцать часов спустя, я открываю новую Россию. «Алексей Толстой» высаживает нас на платформу. Меня сразу же засосала толпа путешественников, спешащих вдохнуть свежего воздуха. Мы проникаем в здание вокзала через хлопающие двери. Людской поток увлекает в главный зал, где под огромным каменным сводом идёт длинный переход с застеклёнными кафе, закусочными и ресторанами. В конце я угадываю выход и тротуары Москвы. Я перевожу дыхание, прежде чем ринуться в моё необычайное приключение.

5

На тротуарах московского вокзала таксисты блокируют пассажирские потоки, предлагая свой сервис. Нищий роется в мусорном баке. Народ в толпе прохаживается, болтает, курит, готовится к посадке. Прижимаюсь к стене и стараюсь войти в роль русского, хмурю брови, чтобы сделать строже лицо, и избегаю чужих взглядов. Пытаюсь придать себе мужественный вид, даже если на улицах московской столицы чувствую себя ребенком. Я должен покинуть вокзал и перебраться на другой конец города, где готовятся к отправке поезда дальнего следования. Знаю, что возможно добраться туда на метро. Хочу в тот же день сесть на поезд, который отвезет меня в Иркутск. Московское метро это опыт, который надо испытать по крайней мере раз в жизни. Скульптуры атлетов, почти вертикальные эскалаторы, длинные подземные переходы! Одним взглядом охватываешь тут лица всех народов. Это погружение в русскую душу за цену билета в метро. Но всё-таки я предпочитаю взять такси, ибо ещё не готов столкнуться один на один с таким погружением.

На Ярославском вокзале после не очень любезного общения с кассиршами приобретаю, наконец, билет на иркутский поезд.

Языковой барьер становится огромным препятствием, не дающим мне передышки. Я стараюсь произносить слова из моего карманного словарика, но очень часто от меня просто отмахиваются небрежным жестом руки.

На Ярославском вокзале смешиваюсь с ожидающими пассажирами. Это женщины и мужчины со всех концов света, русские из Восточной Сибири, эмигранты из Средней Азии, люди из восточных стран, европейцы... Всё это вместе создаёт новую Российскую Федерацию. Я чувствую себя в своей тарелке, как один из путешественников среди прочих. Чтобы развлечься, выхожу из оцепенения и погружаюсь в одну из улиц. Здесь нахожу банк, где могу получить русские деньги, и кафе, которые удивительно контрастируют с провинциальными; здесь я пью мой эспрессо, у него тот же аромат и та же цена, что в наших парижских бистро, и здесь я сижу до самого отъезда.

Пять тысяч пятьсот километров отделяют Москву от Иркутска. И транссибирская магистраль – один из наиболее мифических путей России. Встаю на поезд, хватаясь за поручни тринадцатого вагона, шагаю по коридору, приветствуя проводницу, и проникаю в купе. Нахожу своё место, раскладываю свой рюкзак. На платформе не вижу никого, кто спешил бы к моему вагону. Пару мгновений надеюсь путешествовать совсем один. Вынимаю кинокамеру, чтобы снять двух женщин в ярко-оранжевых жилетах безопасности. Они заняты сигнализацией. Кинокамера напоминает мне, что я везу кассету с лицами моих близких. Не решаюсь её смотреть и оттягиваю этот момент, сколько могу, боясь впасть в ностальгию. Пока я погружен в свои мысли, кто-то грубо дергает скользкую дверь. Появляется гигант в военной форме, так дикое животное овладевает своей территорией. Военный понимает, что я иностранец, как только я приветствую его. Забываюсь на свою полку и застенчиво интересуюсь, говорит ли он по-английски. Он кивает головой сверху вниз как возбужденная обезьяна. Затем он укладывает свой багаж – спортивный рюкзак и ящик груш и, оперевшись локтем на столик, заглядывает мне в глаза. «Я попрактикую мой английский с тобой!» – заявляет он жизнерадостно. Он снимает обувь и вынимает из пиджака флакон с одеколоном, обрызгивает ими ноги, руки, свой бритый череп, всё время извиняясь за тошнотворный запах. Наконец, он усаживается напротив меня. Осторожный, я сжимаюсь. Мой пустой, ничего не выражающий взгляд теряется в его, и это состояние лицом к лицу провоцирует неловкость. Неужели всё закончится дракой? Вопрос бьётся в моём мозгу. Но я беру себя в руки. Гроза уходит, в то же время поезд покидает пригороды Москвы. Позже я понимаю, что этот обмен поверхностными взглядами означает

всего лишь трудность объединений наших двух миров. Необходимое столкновение, контакт, чтобы появилась встреча, начало общения.

Рустам – таджикский военный, вступивший в русскую армию, чтобы бороться с афганскими моджахедами. Он видел войну в своей стране в 1992 году; он видел Рубок, свой город, в огне, разрушенный налётчиками, и свой народ, миллион человек, спасшийся в России. Он поднимается и приближается к зеркалу, проводит рукой по лбу, чтобы стереть заливающий его пот. Показывает своему отражению кулак – это боксёр – и смотрит себе в глаза. Совершенно не стесняясь моего присутствия, он озлобляется против самого себя, бросая в зеркало ненавистные взгляды. Затем возвращается на своё место и валится на постель, будто совершенно опустошённый. Его агрессивность постепенно исчезает, вновь оставляя место дружескому расположению.

Джо Дассен поёт по радио: «Всё будет хорошо...». В каком же я всё-таки мире...

Ситуация портится с появлением пьяного русского, соседа по купе, который окликает Рустама. Он просит сигарету. Рустам заставляет меня пойти с ними в тамбур, предназначенный для курящих и расположенный между двумя вагонами. Я иду за ними, чтобы никого не сердить, и забиваюсь там в угол. Место отвратительное, пропитанное зловонным запахом дыма, прилипшего к железу. Большинство курящих плюёт в металлические пепельницы. Внезапно Сергей, тот, что пьяный, русский блондин с мертвенно – белесыми глазами, хватая меня за грудки и брызгает мне в лицо «Француз! Француз!» И добавляет, что мог бы пожать руку французскому легионеру. Рустам не вмешивается. Я небрежно курю свою сигарету, уклоняя свой взгляд, наблюдая за бегущим пейзажем окрестностей Москвы, которая постепенно исчезает, оставляя место обширным лесам. Наконец, вмешивается третий и освобождает меня от Сергея. Взяв меня за плечо дружеским жестом, он заслоняет меня от Сергея. Я выручен. Моего спасителя зовут Виталий; это молодой человек с приятной внешностью, тоже призванный в русскую армию. На следующий день я узнаю, что Сергей не срочник, но военный командир.

Наступает первый вечер, и я не знаю, сколько времени продлится путешествие до Иркутска. У меня были очень оптимистичные подсчёты, ограничивающиеся двумя днями. В результате же я должен буду ехать четыре с половиной дня, три из которых с Рустамом лицом к лицу физически и психологически, что закончится настоящей дружбой.

Я ем с Рустамом традиционную сухую рыбу: это наполовину выпотрошенная вобла, твердая, как камень. Чтобы проглотить сухие куски, я запиваю их пивом. Испытываю такую же радость, что и мой спутник, при виде куполов православных церквей Казани, города, разбитого между Западом и Востоком, города, удивительно разделённого водами реки, по которой идёт ледоход. Я пересекаю Урал, герцинские складки его гор, покрытых елями, в компании «моего» сурового Рустама. Ложусь спать в одно время с ним, разрядив всю свою энергию в обогащающей меня болтовне. Моё внимание следует за Рустамом, замечающим голубые огни освещённого отеля Екатеринбурга. Мой ум и моё тело функционируют в унисон с тем, что испытывает Рустам. Иногда ночью я перехватываю взгляд моего нового друга, отражённый в стекле. Слушаю его жизнь, сравнивая со своей. Он рассказывает, что у них место женщины на кухне, что она не разделяет трапезу с мужчинами, потому что он, Рустам, уважает мусульманский шариат. Я отвечаю ему с достоинством, что за столом я пью вино вместе с моей подругой, и что вино и любовь опьяняют нас обоих. Он добавляет с искренним уважением, что хорошо, что мы не говорим о политике. Нередко он поворачивается к зеркалу, чтобы заострить свой взгляд, так борец готовится к сражению: «Во мне клокочет буря, когда я думаю о моей опустошённой стране!» – повторяет он, измученный.

Помогаю Рустаму выгрузить на платформу Новосибирска ящик с грушами из Таджикистана. Он предназначен полковнику на новом месте службы. Чувствую, как щемит моё сердце при расставании с Рустамом, но в то же время испытываю освобождение. Нахожу большое удовольствие во вновь обрётённом одиночестве. Вернувшись в купе, с огромным энтузиазмом

привожу всё в порядок и, наконец, расслабляюсь. Я не мог этим заняться со своей последней ночи на корабле *Roil Ship* в Балтийском море. Три дня я не мог размять пальцы на ногах и сделать массаж затылка. Я наслаждаюсь тем, что никого не стесняю, хотя нового друга мне уже не хватает.

6

В зеркале скользящей купейной двери я по-прежнему вижу суровое лицо Рустама.

Он всё ещё занимает собой пространство. Его запах настойчиво не выветривается из моих ноздрей. Но постепенно я отдаюсь мурлыкающему укачиванию поезда и мельканию тайги за окном. Время от времени над ней появляются тёмные городки с дымящимися трубами. Краски пастельных тонов напоминают мне картины Тюрнера. Сибирские речки выются по волнистому ландшафту. Густая тайга, где гнездится воронья стая, привлекает моё внимание. Чёрное оперенье птиц контрастирует с яркой белизной берёз. Путешествие на поезде, который везёт меня в Иркутск, такое долгое, что у меня возникает реальное впечатление дороги в никуда. Это всё и называется у нас далёкой Сибирью.

В живописном беспорядке опустевших деревень я замечаю на пригорках неподвижных, бедно одетых жителей.

Что хорошего они могут делать в таких заброшенных местах? Где они живут? Внутри этих покосившихся, готовых развалиться избah? Вопрос возникает также быстро, как их исчезающие силуэты. И появляются новые силуэты, другие запущенные места, где жизнь кажется остановившейся.

Рельеф смягчается с приближением к Красноярску. Замёрзшие озёра в небольших ложбинах окружены деревьями с крепкими избами. Огороды аккуратно обнесены деревянными заборами. Вдалеке – кладбище на откосе холма и тёмный силуэт женщины с цветочной тележкой. Но вдруг появляется жесткий кадр: арсенал подъёмных кранов, окаймляющий берега Енисея. Река прозрачна, не такая мутная, как в Оби. Но работы, что ведутся здесь, исключают всякое проявление красоты. Накапливается ржавчина, а люди в тисках бетона и металлической арматуры работают на неотступающем майском холоде.

Поезд останавливается. Я спускаюсь на платформу, чтобы поговорить с Сергеем, курящим свою сигарету. В Красноярске блестящий вокзал, правда, безвкусно оформленный. Сергей ведёт меня к бабушкам, чтобы я мог купить овощные пирожки. Кивком головы благодарю его за посредничество и принимаю наше примирение. Потому что рано утром я его вежливо выставил из купе, мстя за его агрессивность в первый день знакомства. Мы перебрасываемся несколькими словами. Он горячо сжимает мне плечо. Недоразумение полностью улетучилось. Я люблю этот тактильный способ русских контактов.

Ночь наваливается на тайгу. Красный круг солнца скользит позади тёмного леса. Я поднимаюсь на заре, потому что это день «моего освобождения». После 5.500 километров железнодорожного путешествия из Москвы и четырёх изнурительных дней замечаю пригороды Иркутска. Город похож на все виденные мной прежде, и я уже сомневаюсь, что найду здесь то, что искал. Делаю первые шаги по платформе. Прощаюсь с пассажирами тринадцатого вагона и спускаюсь в подземный переход. Оказываюсь у входа на вокзал. У ножки железной пепельницы нахожу 20 рублей. «Знак,» – говорю я себе. Иду уверенным шагом и вхожу в холл. Обстановка здесь спокойная. Не вижу мужчин и женщин с испитыми лицами, шатающихся, бродящих без цели, таких многочисленных на всех платформах, начиная с Москвы. Я не вижу тех, кто с наступлением ночи роется в помойках, чтобы отыскать там остатки съестного. Как им удаётся выжить сибирской зимой?

Продолжаю свой путь и оказываюсь на пороге вокзала. На противоположной стороне улицы замечаю двух фотографирующих молодых европейцев с рюкзаками за спиной. Чувство

новизны тут же исчезает. Я вновь на европеизированной земле. Подавляю в себе желание приблизиться к ним. Они могли бы указать мне адрес молодежной гостиницы... Удерживаю себя. Предпочитаю поддерживать в себе чувство новой, непривычной обстановки.

После блуждания по незнакомым улицам я обращаюсь всё же к такси. «Гостиница,» – говорю я шофёру тоном побеждённого. Он отвечает мне: «Туристическая гостиница, да-да-да!» Я останавливаю его и с трудом пытаюсь объяснить, что предпочитаю дешёвый отель, молодежную гостиницу или частную комнату. Он повторяет: «Да-да-да...» И вот я еду. По дороге на мосту через Ангару я открываю, что мой 300-рублевый гид обожает фильмы Алена Делона. Затем я высаживаюсь перед огромным входом белого здания, расцвеченного всеми флагами мира.

Сколько я должен буду заплатить за одну ночь отдыха в этом туристическом вертепе? Вопрос сопровождает меня до застеклённой двери, которая с шумом захлопывается за мной. Русские на диванах и служащие отеля оборачиваются и рассматривают меня с большим сомнением. Переезд через всю Сибирь по Транссибирской магистрали оставляет на человеке свой след.

Пробираюсь вдоль стены к приёмной стойке и спрашиваю цену комнаты. «40 евро,» – отвечает мне девушка по-английски. Соглашаюсь. Растерзанный, тащу свой огромный рюкзак и проскальзываю в лифт, чтобы подняться на четвёртый этаж. В коридоре две китайки в голубой рабочей одежде скребут лопаточками потолок. Они показывают мне мою дверь 433 и вновь принимаются за свой нелегкий труд под неумолимое ворчание гостиничной служащей.

Окно комнаты выходит на крошечный пустынный островок посреди Ангары. Река разливается здесь в ширину примерно на километр. На другом берегу замечаю вокзал и железнодорожные пути. Я не задерживаюсь на созерцании, хотя вид по-настоящему захватывающий. Решаю отправиться на поиски более дешевого отеля и заведения, где можно было бы перекусить. Шагаю из улицы в улицу, разочарованный странностью слов, написанных кириллицей, и в конце концов решаю вернуться в отель. Обследую здание. Второй этаж занят административными бюро. Доступ к интернету – 6 рублей за минуту. Оплачиваю 10 минут – время, необходимое, чтобы выйти на контакт с моими близкими. Иду окольными путями через сайт WEB, основанный специально по случаю моего проекта сибирской поездки. Затем, удовлетворённый, сразу же направляюсь в ресторанный зал. Спрашиваю у официантки меню. Она не понимает мой заказ и приносит две плитки шоколада вместо заказанного аперитива. Затем я успешно расправляюсь с горячим блюдом, поглотив пол-литра пива. Алкоголь быстро накладывается на усталость. Выходя, пошатываюсь. Но этим вечер не заканчивается. Напротив ресторана казино «Калинка» протягивает мне руки. Я прохожу инфракрасный контроль двух охранников и оказываюсь в освещённом неонем зале, где русские здоровяки играют в покер. Я думал найти здесь игральные автоматы. В результате устраиваюсь у стойки перед второй кружкой пива, которую я выпиваю наполовину. Мой акцент забавляет официанток. Я слышу, как из моего кармана падает монета, 50 сантимов. Тут же женщина в костюме тонкими пальчиками поднимает мою монетку. Иностранка смотрит на меня томным взглядом. Без предупреждения я спрыгиваю с табурета, бросаюсь к выходу. Возвращаюсь на четвёртый этаж. Нахожу тех же двух китайок, примостившихся на лесенках. Вхожу в комнату, скольжу под уютные простыни, как вдруг звонит телефон. Снимаю трубку, думаю, что мне хотят сообщить о какой-то моей потере. Чувственный голос, вышедший из недр мужских фантазмов, спрашивает: «Не хотите ли приятно провести время с русскими девочками?» Внезапно чувствую себя в ловушке «русской мафии», наблюдающей за моими действиями и жестами с момента прибытия на вокзал. Голос добавляет: «Две тысячи рублей за час». Что-то мямлю и вешаю трубку. Смущённый, возвращаюсь в кровать и включаю телевизор. Мой мозг, возбуждённый таким вниманием, бодрствует, мучает меня бессонницей, пока, наконец, заснеженный Кремль в глубине экрана не помогает мне забыться.

7

Иркутск окружён водами Ангары, единственной реки, которая вытекает из Байкала. Расположенный на высоких берегах город возвышается золочёными куполами церквей, плоскими крышами гостиничных зданий современного туризма и острыми крышами деревянных домов, которые придают городу восточное обаяние. Мы в восточной Сибири, недалеко от Монголии и её пустыни Гоби, этой двери в Азию; но одновременно мы в районе, слабо населённом якутами, сибирским народом большого севера; этот народ продолжает существовать благодаря древним умениям выживать и дарам великой природы. Я направляюсь именно к ним.

Осевшие домики соседствуют с современной архитектурой, часто сложенной из кирпича. Улицы – лабиринты, соединение троп, выходящих к подъездам и калиткам, никогда не запёртым.

Здесь можно безмятежно прогуливаться, с любопытством разглядывать прохожих, фланирующих по улице Карла Маркса или по площади Кирова, с восторгом оценивать постоянную демонстрацию мод русскими женщинами на тонких каблукках, с чувственными, но недозволенными физиономиями; их глаза часто ясны и прозрачны, как вода; они держатся за руки, идут легко и проворно по грязному тротуару, соблазняемые компаниями мужчин, одетых в чёрное, в кожаной обуви, в элегантных шляпах. Я мог бы испытать радость от прогулки по иркутским «Елисейским полям», которые тянутся вдоль Ангары. Но дело в том, что в городе есть не только этот аспект сибирского Парижа. Дороги ведут в тупики, где пьяницы разбивают свои уже неузнаваемые лица. К сожалению, это не исключение, но свидетельство вырождения.

Сегодня утром я оказался внутри тупика подобного рода. Деловой офис гостиницы «Байкал», где царствует наиболее толерантная проституция, отправило меня ночевать к частному лицу за 10 евро за ночь.

Я прихожу туда раньше обусловленного часа и встречаюсь с неким Михаилом.

Этот русский со сносным английским предлагает мне свою помощь. Он объясняет мне, что нет свободной комнаты под номером 16. Хотя я заранее оплатил своё пребывание там. Не настаиваю и говорю, что вернусь к пяти часам, когда они должны меня принять.

Вновь начинаю свои блуждания по иркутским бульварам. Прохожу мимо статуи Ленина и иду до «Елисейских полей». Мой ум занят лодкой, которую я должен найти для своей экспедиции. Но нет никаких следов лодок на ангарских берегах. Перехожу по мосту и пересекаю рошу на полуострове. Гигантский усилитель играет современную музыку и сотни молодых людей стекаются сюда небольшими группами. Они болтают вокруг водочных и пивных палаток. Избегаю давки и выхожу на песчаный берег. Поднимаю глаза к свободному горизонту бегущей Ангары и различаю на востоке лодку, обтекаемые линии которой напоминают мне каноэ. Заинтригованный, я решаю пойти посмотреть её поближе на следующий день.

Полный надежд, улыбаюсь молодым людям, занятым поглощением алкоголя, угощаю сигаретой мужчину и возвращаюсь в свой потемневший тупик. Он не опасен, напротив, здесь чувствуется свежий шарм небольшого садика. Стучу в дверь 16-й квартиры и попадаю на молодого русского, который представляется Алексом. Он предлагает мне разуться и приглашает посмотреть квартиру, где я могу устроиться в 20-метровой комнате. Иду по коридору и встречаюсь взглядом с двумя молодыми девушками, сидящими на кухне. Они мне кажутся европейками. Закрываю за собой дверь комнаты и тут же осваиваю свою территорию, располагая на письменном столе путевые бумаги.

8

На картах берега Лены усыпаны маленькими чёрными прямоугольниками, представляющими избы, хижины охотников или покинутые домишки. На некоторых участках появляются пунктирные линии, указывающие дороги, которые можно использовать зимой на замёрзших болотах. Русло реки в самом начале вьется у подножия гор, не превышающих 500 метров. Затем рельеф сглаживается в то время, как Лена расширяется. Такова она до Иркутска на протяжении почти 2.500 километров. Наконец, река течёт вдоль западных склонов Верхоянского хребта, где зафиксирован рекорд самой низкой температуры на земле – 72 градуса мороза по Цельсию. Затем многочисленными рукавами Лена образует дельту, впадая в Арктический океан. Я фиксирую взгляд на голубой линии незнакомой мне реки и вижу себя совсем крошечным. Моё воображение уносит меня далеко.

Я не располагаю полной картой реки, значит, в некоторых местах вынужден буду плыть наобум. Прошу Алекса показать мне на карте, где располагаются пороги. Он находит в примечаниях объяснительную схему: полоса, пересекающая реку, обозначает присутствие сильных течений и водоворотов. Я изучаю русло Лены и не нахожу ни одного препятствия. Алекс здорово озадачен. «Я абсолютно уверен, что есть и пороги, и водовороты,» – говорит он на своём великолепном английском. Ещё и ещё раз я изучаю рисунок реки и ничего не нахожу. «Посмотрим! В любом случае я буду придерживаться берега.»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.